

ТРЕТИЙ КИТ ДЕЛИЕВА

Георгий Делиев — почти человек Возрождения: известный комический актер и режиссер, основатель театра “Маски” и создатель уже легендарного телецикла “Маски-шоу”, рок-музыкант — раскрыл гостям столичной галереи “АтрибутЪ” еще одну грань своего таланта — живописную.

Справедливости ради стоит сказать, что картины Делиева выставляют в Киеве не впервые, но персональной выставки, да еще и почти полной ретроспективы, мы не видели. С названием экспозиции организаторы тоже не поскромничали: “Третий кит” напрямую указывает всем доселе несведущим, что творчество Георгия Викторовича зиждется на театре, музыке и живописи. И в последней он демонстрирует не меньшие результаты, чем в кинотеатральных проектах.

Все картины созданы в течение последних 20 лет. Тут и сюрреалистичные ангелы, привязанные за ноги к свинцовым гилям, и кошки, и одинокие старики, дремлющие на скамейке или разглядывающие пейзажи. По соседству с ними уже сами пейзажи — Рим, Венеция, парки и леса.

Тут же парящие клоуны и лица друзей и коллег по “Маскам”, среди которых самое очаровательное — лицо **Натальи Бузько**, склонившейся практически в позу Пикассовской любительницы абсента над бутылкой русской водки (“Замаялась бедняжка”). Все работы проникнуты теплом, созерцательностью и то ли одесской, то ли непосредственно Делиевской игривой иронией. Чего стоит хотя бы “Слипшой музыкан” (обязательно — с характерными произношением и орфографией!).

Впечатляет не только жанровое, но и техническое разнообразие. Помимо работ, выполненных “классическим” маслом, Делиев не отказывает себе в удовольствии попробовать и акварель, и тушь, и акриловые краски. Причем все выполнено на добротном техническом уровне, чего от актера-комика как-то не ожидаешь.

Впрочем, все становится на свои места, когда обращаешься к биографии автора: художественная студия, архитектурный факультет Одесского строительного института и детская мечта стать художником. А еще — практика всю жизнь: в перерывах между съемками и постановками, в отпусках, во время которых Георгий Делиев охотно запирался в своей мастерской, а не ехал за приключениями в далекие края. Но на первое место среди трех китов автора живопись стала по-настоящему претендовать лишь в начале 2000-х.

Талантливый человек, как известно, талантлив во всем. А вот что заставляет этого талантливого человека время от времени делать выбор в пользу одного или другого своего дарования?

Отчего вдруг студент-строитель увлекается пантомимой? А архитектор, работающий в Пятигорске и Кишиневе, вдруг бросает все и едет учиться в Ленинград к **Вячеславу Полунину**, в московский ГИТИС и в конце-концов оказывается в группе Одесской филармонии?

И почему после блестящего успеха проекта “Маски-шоу”, триумфов в “Снежном шоу” Полунина и наград за роль настройщика в одноименном фильме **Кире Муратовой** (см. **БИЗНЕС** №42 от 15.10.07 г., стр.100-103) этот талантливый человек все же возвращается к детской мечте?

Блиц-интервью

“Живопись — искусство безответственное: художник никому ничем не обязан”, — признается Георгий Делиев (52)

— **Вам часто приходилось слышать возглас: “Вы еще и художник?!”?**

— Конечно. Хотя на самом деле я сперва художник, а потом уже артист. Я всегда очень любил рисовать и был уверен, что стану художником. Моя семья жила небогато: у меня не было изобилия игрушек, зато были карандаши и пластилин.

Моя родина — Новая Каховка в Херсонской области. Городок маленький, но там все же была замечательная изостудия, где я познакомился с рисунком и живописью. Хорошие были педагоги — руку мне поставили, мозги немножко вправили. И родители поддерживали мое увлечение.

Я собирался поступать в художественное училище, и отец устроил мне тур по разным городам Украины: выбирай, мол, сынок, где хочешь учиться — в Одесском, Симферопольском или Киевском художественном. Но нас пленило иностранное слово “дизайнер”, профессия в те годы редкая. Словом, мы с родителями решили, что в дизайне и архитектуре есть не только творчество, но и точный технический расчет, а это уже надежнее. Так я и оказался в Одесском строительном институте.

И вот когда я уже был “сперва” студентом-архитектором, настало мое “потом” — я вдруг увлекся пантомимой. У нас был удивительный курс: все шесть мальчиков нашего потока занимались пантомимой, и позже мы все встретились в “Масках”. В институте мы устраивали какие-то хэппенинги, перформансы и всяческие провокации. Однажды придумали кататься по учебному корпусу на роликах, без штанов, но в белых халатах, раскрашенных аэрографами. И это в те годы, когда никто не знал ни о граффити, ни о баллончиках с краской...

Так что живопись я не забрасывал никогда, разве что случались напряженные рабочие периоды, когда редко удавалось взяться за кисть и карандаш. Представьте: за год ты снимаешь по 12 серий телефильма, под твоим началом на площадке человек 60, съемки, монтаж — это же целое производство, маленький завод! Этой машиной надо как-то управлять, талантливых людей, со своими тараканами, нужно как-то дисциплинировать...

И когда съемки наконец прекращаются, возникает настоящий вакуум! Именно в такой период я закупал краски, холсты и начинал работать. А потом как-то сами собой стали появляться выставки, поначалу коллективные, а позже и персональные, галеристы, агенты, коллекционеры...

— **Вы привезли в столицу картины разных лет. Много их собралось?**

— Нет у меня точной бухгалтерии. Какие-то работы покупали, какие-то я дарил. Есть такие, которые я даже не успел сфотографировать, все откладывал, думал при хорошем освещении снять. В Одессе я делал много тематических выставок, показывал отдельные циклы, техники. А киевская галерея сказала привозить все, что есть. Картины совсем разные, но им удалось их ладно скомпоновать. В залах где-то 80 работ. А еще пару десятков показывают коллекционерам в подсобке из-под полы.

— **Вы со своими работами легко расстаетесь?**

— Если кто-то покупает — да, легко. Картины имеют определенную цену, за которую я готов с ними расстаться. К тому же если человек платит деньги за картину, значит, она ему нужна. Она будет украшать его жилище или офис, он будет на нее смотреть. Это же самое главное! Как актеру нужен зритель, так и художнику он нужен.

— **У вас богатый арсенал техник: масляная живопись, акварель, тушь...**

— В детстве я пробовал делать даже чеканки, монотипии и линогравюры, но это слишком кропотливая работа. Сложная техника — акварели: не всегда выходит, требует высокой скорости и умения, но зато на нее не надо много времени. Из графики, наверно, больше всего люблю китайскую тушь на рисовой бумаге. Среди европейских художников ее мало кто использует, а в Китае есть целая традиция. Они делают это очень изящно!

Работать как китайцы я пробовал, но у меня не получается, поэтому я придумал свою манеру. Бывает, наберешь в кисточку чуть больше туши, а она — раз, и растекается по тонкой бумаге причудливым пятном. И дальше оно живет само по себе, становится рисунком, который ты и не задумывал. Вот в “Затонувшем корабле” пятно поплыло, а я только сделал от него тень, отражение...

— **А откуда родом конкретные образы — ваши ангелы с гирями, летающие клоуны с подарочными арбузами?**

— Все начиналось с пейзажей. Но мне это быстро наскучило, и в реальных ландшафтах стали появляться женщины в фантастических платьях, дирижабли, птицы и единороги. С последними у меня был целый цикл.

А потом пришла в гости Алена Винницкая (*певица, экс-участница группы “ВИА Гра”*. — Ред.), увидела одного недорисованного единорога, который ей очень понравился, и я решил его ей подарить. А, завершив работу, вдруг понял, что это был последний единорог.

Свой художественный опыт я стараюсь использовать по максимуму. Для последних двух постановок сам себя нанимал как театрального художника. Сам придумал и сделал

костюмы и декорации. Говорят, вышло неплохо. По крайней мере, не испортил сценографией свою же режиссерскую работу!

— **А театр, музыка и живопись друг друга не ревнуют?**

— То, что я не могу передать в театре, пробую в музыке. Что не получается в музыке, делаю в живописи. В каждом виде искусства есть что-то уникальное, чего не достигнешь ни в каком другом. Они совершенно разные. Театр, кино — искусства ответственные: нужно оправдывать ожидания публики, продюсеров, инвесторов. В театре в любом случае думаешь об успехе, подспудно хочешь понравиться публике.

Да актер и не имеет права не нравиться, если он профессионал! Живопись же — искусство крайне безответственное, ведь художник никому ничем не обязан. И рискует только своим временем. Из десятка работ сам может отобрать одну-две лучшие, а неудачные — ну хоть зарисовать!

Живопись — это абсолютная свобода! Как-то на моей выставке в Одессе Кира Муратова сказала: Делиеву, мол, хорошо, на жизнь он зарабатывает другим, поэтому рисовать может что и как хочет.

В театре над спектаклем ты работаешь долго и усердно, но едва ли не решающим остается сиюминутное стечение обстоятельств: настроение партнеров, магнитные бури, приехали в новый город, а там публика другая. Бывает, не пошел спектакль.

А бывает, наоборот: вдруг — раз, и заиграл неизвестными до сих пор красками. И еще. Когда спектакль заканчивается, он заканчивается. Больше такого не будет. А с картиной все иначе: что написано кистью — не вырубишь топором!

— **Сами вы как зритель куда бы пошли охотнее — в театр или на выставку?**

— Снова сравнения... Нет у меня ответа! Хотя, приезжая в любую страну, я обязательно иду на выставки и в музеи. Для начала, конечно, лучше смотреть мастеров старой школы, а потом уж и современное искусство. Если честно, вот его я немножко побаиваюсь, процентов шестьдесят современного искусства меня шокирует.

Бывает, что после некоторых выставок, слишком концептуальных, сразу бегу в душ. Но в то же время там много любопытного, совершенно нового и очень вкусного, как свежие пирожные или фрукты. А потрясают меня гении прошлого. Пугающе прекрасная Сикстинская капелла **Микеланджело** затягивает, как воронка или глубокий сон.

Очень люблю архитектуру модерна, все эти марсианские сооружения **Гауди**. Что еще из любимого? Любимый поэт — **Борис Барский** (см. **БИЗНЕС №5 от 31.01.05 г., стр.84-88.** — **Ред.**). Любимый актер? Сложно определить. Многих люблю. Скажем, мою коллегу, изумительную Наташу Бузько. Поэтому ее и написал.

— **А любимый режиссер? Кира Муратова?**

— С Кирой всегда интересно. Она непредсказуемая: никогда не можешь предугадать, что в результате получится. Результат очень редко совпадает с моим предварительным представлением. Сначала, еще до съемочного периода, Кира долго репетирует с актерами. На площадке вы делаете что-то совсем другое. Приходишь на озвучивание — на экране все снова иначе. А в готовом варианте будет что-то четвертое. Поэтому, конечно, с ней интересно.

В свое время я мечтал познакомиться с **Терри Гиллиамом**. Хотя бы просто взять у него автограф. Но Господь распорядился так, что мне удалось с ним поработать. Однажды позвонил Слава Полунин и позвал в Париж, где он ставил спектакль “Диабло”.

В качестве сорежиссеров он пригласил Гиллиама и **Витю Крамера**, тоже мировой величины режиссера. И мы в Париже три недели работали бок о бок, общались. Словом, одна мечта исполнилась, теперь думаю о другой: хотел бы посотрудничать с **Джеки Чаном**. Он для меня в чем-то родной человек.

— **Когда делаешь столько всего сразу, сложно переключаться?**

— Да тут никакого секрета нет. Нужно только уметь сосредотачиваться на настоящем, не думая о прошлом и о будущем, тотально отдаваться тому, чем занимаешься в данный момент. Коль ты уже за что-то взялся, старайся делать это искренне и получай удовольствие.